

nia osvitnoho kapitalu v ekonomitsi znan [Formation of Educational Capital in the Knowledge Economy]. *Instytutsionalnyi vektor ekonomichnoho rozvytku*. 2012. Issue 5 (1). P. 64–70. **9.** Uroven bezrobotitsy v 2017 g. // Ministerstvo finansiv Ukraini: ofits. sait. URL: <http://index.minfin.com.ua>. **10.** Realnaya bezrobotitsa v Ukraine bet vse rekordy // RIA Novosti Ukraina. 8 noyab. 2016. URL: <https://rian.com.ua/analytics/20161101/1018295433.html>. **11.** *Tinova ekonomika: sutnist, osoblyvosti ta shliakhy lehalizatsii: monohrafiia* [Shadow Economy: the Essence, Features and Ways of Legalization: monograph]/za zah. red. Z. S. Varnalii. Kyiv: NISD, 2006. 576 p. **12.** Boiko V. Tinovyj rynek pratsi yak osnovna problema ukraïnskykh robochykh // Robotodavets. 18 veres. 2016. URL: <http://robotodavets.in.ua/2016/09/18/tinovyj-rynek-pratsi-yak-osnovna-problema-ukrayinskykh-robochykh.html>. **13.** Blyzniuk V. V. Tinovyj sehment rynku pratsi v Ukraini. URL: <http://nauka.kushnir.mk.ua/?p=74248>. **14.** Pratsia Ukrainy u 2016 rotsi: stat. zb./Derzhavna sluzhba statystyky Ukrainy. Kyiv: Avhust Treid, 2017. 234 p. **15.** Rynek pratsi u 2016 rotsi. Dopovid Derzhavnoi sluzhby statystyky Ukrainy. URL: [file:///C:/Users/user/AppData/Local/Temp/Rar\\$Dla0.724/dop_rp2016_pdf.pdf](file:///C:/Users/user/AppData/Local/Temp/Rar$Dla0.724/dop_rp2016_pdf.pdf). **16.** Ekonomichna aktyvnist naselennia Ukrainy 2016: stat. zb./Derzhavna sluzhba statystyky Ukrainy. URL: [file:///C:/Users/user/AppData/Local/Temp/Rar\\$Dla0.209/zb_eanu2016pdf.pdf](file:///C:/Users/user/AppData/Local/Temp/Rar$Dla0.209/zb_eanu2016pdf.pdf). **17.** Krajňaková E., Vojtovič S. Struggles of Older Workers at the Labour Market. *Economics and sociology*. 2017. Vol. 10. No. 1. P. 319–333. **18.** Pro vnesennia zmin do deiakyykh zakonodavchykh aktiv Ukrainy: Zakon Ukrainy vid 06.12.2016 No. 1774-VIII. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T161774.html.

Інформація про автора

Коломієць Вікторія Миколаївна – кандидат економічних наук, доцент, докторант Дніпропетровського національного університету залізничного транспорту ім. академіка В. Лазаряна (вул. Ак. Лазаряна, 2, м. Дніпро, 49010, Україна; e-mail: vik2005vik@meta.ua).

Информация об авторе

Коломиец Виктория Николаевна – кандидат экономических наук, доцент, докторант Днепропетровского национального университета железнодорожного транспорта им. академика Лазаряна (ул. Ак. Лазаряна, 2, г. Днепр, 49010, Украина; e-mail: vik2005vik@meta.ua).

Information about the author

V. Kolomiets – Ph.D. (Economics), Associate Professor, Doctoral Student of Dnipropetrovsk National University of Railway Transport named after academician V. Lazaryan (2 Akademika Lazaryana Str., Dnipro, 49010, Ukraine; e-mail: vik2005vik@meta.ua).

*Стаття надійшла до ред.
08.12.2017 р.*

JEL Classification: B1; B31

УДК 330.83:378(477)“1918/1921”

КАК САЙМОН КУЗНЕЦ НАЧАЛ СВОИ УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ЗАНЯТИЯ?

Часть 2

Михайличенко Д. Ю.

Аннотация. *Задачей второй части статьи является рассмотрение направлений экономической статистики и теории вероятностей в раннем периоде академической биографии С. Кузнеця. Рассматривается и сравнивается место и содержание статистических, в частности математико-статистических методов исследования в научном наследии учителей С. Кузнеця: в Колумбийском университете – В. Митчелла (1874–1948), в Харьковском коммерческом институте – В. Левитского (1854–1939), А. Анциферова (1867–1943) и С. Бернштейна (1880–1968). Автор приходит к выводу о наличии определённой схожести в методологии работ представителей как колумбийской, так и харьковской академических школ, что объяснялось общими тенденциями развития экономической науки в конце XIX – начале*

© Михайличенко Д. Ю., 2017

XX в., в частности, авторитетом философии экономического исследования Дж. Милля, развитием идей немецкой классической школы, переосмыслением маржиналистской революции. Так, «эмпиризм» в исследованиях В. Митчелла обуславливался задачей поиска альтернативной по отношению к теории полезности «институциональной» модели экономического поведения человека. В конце 1910-х – начале 1920-х гг. и в Украине, и в США проходил революционный процесс в экономической науке, связанный с адаптацией математико-статистических методов. В Украине он означал отказ от детерминистского мировоззрения, что требовало борьбы мнений и взглядов. Можно констатировать знакомство С. Кузнеця с обеими академическими традициями и широкое привлечение им русскоязычных источников научной информации в своей деятельности в 1920-е гг.

Ключевые слова: Саймон Кузнец, Харьковский коммерческий институт, академическая биография, история экономической науки, история математической статистики.

ЯК САЙМОН КУЗНЕЦЬ РОПОЧАВ СВОЇ УНІВЕРСИТЕТСЬКІ ЗАНЯТТЯ?

Частина 2

Михайличенко Д. Ю.

Анотація. Завданням другої частини статті є розгляд напряму економічної статистики та теорії ймовірностей у ранішньому періоді академічної біографії С. Кузнеця. Розглянуто та порівняно місце та зміст статистичних, зокрема математико-статистичних методів дослідження у науковому спадку вчителів С. Кузнеця: у Колумбійському університеті – У. Мітчелла (1874–1948), у Харківському комерційному інституті – В. Левитського (1854–1939), А. Анциферова (1867–1943) й С. Бернштейна (1880–1968). Автор доходить висновку про наявність певної схожості у методології робіт представників як колумбійської, так і харківської академічних шкіл, що обумовлювалось загальними тенденціями розвитку економічної науки у кінці ХІХ – на початку ХХ ст., зокрема, авторитетом філософії економічного дослідження Дж. Милля, розвитком ідей німецької класичної школи, переосмисленням маржиналістської революції. Так, «емпіризм» у дослідженнях У. Мітчелла обумовлювався завданням пошуку альтернативної щодо теорії корисності «інституціональної» моделі економічної поведінки людини. У кінці 1910-х – на початку 1920-х рр. і в Україні, і в США відбувався революційний процес в економічній науці, пов'язаний із адаптацією математико-статистичних методів. В Україні він означав відмову від детерміністського світогляду, що потребувало боротьби думок і поглядів. Можна констатувати знайомство С. Кузнеця із обома академічними традиціями і широке залучення ним російськомовних джерел наукової інформації у своїй діяльності у 1920-ті рр.

Ключові слова: Саймон Кузнец, Харківський комерційний інститут, академічна біографія, історія економічної науки, історія математичної статистики.

HOW DID SIMON KUZNETS BEGIN HIS UNIVERSITY STUDIES?

Part 2

D. Mykhailychenko

Abstract. The aim of the second part of the article is to consider the direction of economic statistics and probability theory in the early period of S. Kuznets's academic biography. The place and content of statistical, in particular, mathematical and statistical, methods of research in the scientific legacy of teachers of S. Kuznets are considered and compared: at Columbia University – U. Mitchell (1874–1948) and in the Kharkiv Commercial Institute – V. F. Levytskyi (1854–1939), O. M. Antsyferov (1867–1943), and S. N. Bernshtein (1880–1968). The author comes to the conclusion that there is a certain similarity in the methodology of the works of representatives of both the Colombian and Kharkiv academic schools, which was conditioned by the general tendencies in economic science development in the late nineteenth and early twentieth century. In particular, these are the authority of J. St. Mill's philosophy of economic research, development of ideas of the German school, rethinking of the marginalist revolution. Thus, «empiricism» in W. Mitchell's research was conditioned by searching for an alternative to the theory of utility of the «institutional» model of human economic behavior. At the end of the 1910s and early 1920s, both in Ukraine and in the United States, a revolutionary process in economic science was associated with the adaptation of mathematical and statistical methods. In Ukraine, it meant the abandonment of the deterministic worldview, which implied struggle of thoughts and views. One can state the familiarity of S. Kuznets with both of these academic traditions as well as the wide involvement of Russian-language sources of scientific information in his activities in the 1920s.

Keywords: Simon Kuznets, Kharkiv Commercial Institute, academic biography, history of economic science, history of mathematical statistics.

Постановка проблемы. Можно считать общепризнанным, что Саймон Кузнец был одним из крупнейших экономистов XX столетия. По меткому выражению М. Абрамовица, Кузнец был одним из тех исследователей, благодаря которым экономика превратилась «из отрасли прикладной логики в эмпирическую науку» [22, с. 246]. Или тех, кто «установил стандарты количественного исследования экономики» [25, с. 435]. Эти работы были в некотором роде революционными, изменяя тот метод, которым пользовались его великие предшественники, начиная с Риккардо. В значительной степени эмпирическое направление работ Кузнеца было частью общемирового движения в исследованиях экономической конъюнктуры. Оно ярко отражалось в деятельности учителя и многолетнего сотрудника Кузнеца – У. К. Митчелла. Сам С. Кузнец безусловно признавал роль У. Митчелла в своей научной биографии и свой большой интеллектуальный долг перед ним [36]. Однако, вряд ли, влияние У. Митчелла было абсолютно преобладающим, на что указывают такие авторитетные историки экономической науки, как А. Мэддисон и М. Перлман, подчёркивая особенности исследовательского стиля С. Кузнеца и высокий уровень его подготовки, приобретённый в доамериканский период его академической биографии.

В качестве особенностей научной методологии С. Кузнеца выделяют такие как:

- экономика развития с историческим подходом;
- пионерское использование математических регрессий (теория циклов);
- эмпирические исследования экономической динамики.

Неординарность Кузнеца проявлялась не только в стиле его научной методологии, но и в самой его личностной культуре. Приведём фрагмент из воспоминаний А. Аникина, видевшего Кузнеца на заседаниях рабочих групп Экономической комиссии ООН для Азии и Дальнего Востока в Бангкоке осенью 1955 года: «...Уровень мышления Кузнеца и остальных участников был несопоставим... Когда все эти непрофессионалы запутывали какой-нибудь вопрос, слово брал по своей инициативе или по просьбе председателя Кузнец, скромный, деликатный человек с тихим голосом, неторопливой и чёткой профессорской речью... Никого не задевая, он быстро заменял туманные разговоры более или менее строгим анализом. Через десять – пятнадцать минут всё становилось на свои места, и мы удивлялись, как мы этого раньше не понимали или не замечали. Его умение разложить сложный вопрос на простые и ясные составляющие восхищало» [1].

Анализ последних исследований и публикаций. Относительно доамериканского академического бэкграунда Кузнеца исследователи его творчества длительное время могли лишь строить догадки, что неудивительно. Свою роль здесь сыграл целый комплекс обстоятельств. Во-первых, это «молчаливость» С. Кузнеца о своей биографии до эмиграции в США. Кузнец не акцентировал внимание на «украинском» (русском? советском?) периоде своей биографии. Исходящие от него самого сведения крайне отрывочны и фрагментарны. Нам известны лишь редкие обмолвки С. Кузнеца: например, донесённое Р. Фогелем упоминание С. Кузнеца об учёбе в «научной гимназии» в Харькове, сказанное на праздновании его юбилея в Гарвардском университете. Что здесь сыграло свою роль, стремление Кузнеца натурализоваться и не выделяться из американской культурной среды, как полагает Г. Вейл, или отсутствие интереса к таким деталям его американского окружения, ныне сказать уже сложно. Во-вторых, это языковой и культурный барьер, поставленный для исследователей советским режимом. Замкнутость советского общества, языковой барьер, малодоступность источников ставили в трудное положение зарубежных исследователей. Для советских историков экономической науки личность эмигранта и «буржуазного учёного» С. Кузнеца фактически закрытой темой для исследования. Более того, частью советского общественно-культурного процесса было создание и углубление разрыва с досоветским прошлым, что сопровождалось настоящим вытравливанием исторической памяти и уничтожением преемственности, в частности академической, между поколениями.

Как следствие, изучение доамериканского академического бэкграунда С. Кузнеца сводилось к спекуляциям на базе очень ограниченного круга известных исследователям биографических фактов. А. Мэддисон пишет, что Кузнец прибыл в США будучи «искушённым и хорошо обученным экономистом с практическим опытом статистической работы», указывая, что в Украине преподавали в то время М. Туган-Барановский и Е. Слуцкий, а экономический анализ был, на его взгляд, более утончённым, чем в США [31, с. 7–8]. М. Перлман идёт дальше косвенных оценок, включая личность С. Кузнеца в более широкий академический и культурный контекст восточноевропейской еврейской диаспоры в США. Согласно его предположениям С. Кузнец находился под влиянием той же волны, что и его более старший (1888 г. р.) коллега – Зелиг Перлман (отец М. Перлмана), со всеми её характерными особенностями: увлечением марксистским социализмом, опытом полуполициальной политической деятельности, вынужденной эмиграции и проч. С. Кузнец и З. Перлман «были очевидным продуктом русско-еврейского марксизма образца эпохи, предшествовавшей 1920-му гг.» [34, с. 308]. Было ли это очевидным? 13 лет разницы в возрасте, которые разделяли С. Кузнеца и З. Перлмана, для культурного процесса в России на переломе XIX–XX ст. были существенной разницей, разделённой рубежом революции 1905 года и конституционными реформами. Они принадлежали к разным поколениям, находившимся под влиянием разной интеллектуальной и культурной моды. Этот факт не позволяет проводить прямых аналогий между этими двумя личностями без серьёзных фактических оснований.

Г. Вейл, автор последней по времени крупной биографической публикации, посвящённой Кузнецу, также отмечает оригинальность его творчества в контексте американской экономической науки первой половины XX ст. Однако он высказывает несколько иную, противоположную догадкам М. Перлмана, гипотезу относительно загадки его жизни и творчества. С. Кузнец прибыл из Харькова с доскональным знанием «статистических и эмпирических методов». Его культура и его прошлое обусловили способность видеть экономику с позиции почти что чистой доски, без концептуальной предвзятости. Его строгие эмпирические линзы были не замутнены предвзятой теорией [37, с. 43]. Если это так, то как мог С. Кузнец получить «доскональную подготовку» в статистических и эмпирических методах без теории? Время учёбы Кузнецца было эпохой переворота в статистической методологии, и наличие доскональной подготовки в современных ему статистических методах само по себе свидетельствовало о серьёзной вовлеченности в процесс развития «предвзятой теории». Это же замечание можно сделать и об эмпирической экономике и о противоречии в фактах. Сам факт обучения Кузнецца в высшем учебном заведении (для Г. Вейла – предположительно, в Харьковском университете) слабо увязывается с подобной «теоретической чистотой».

Разобраться в проблеме харьковского периода академической биографии Кузнецца мешал не только дефицит информации, но и путаница в известных её фактах. Ошибочно называлось даже место рождения Кузнецца. М. Абрамовиц, готовя в 1985 г. статью-некролог о Кузнецце, с удивлением узнал, что большинство биографических изданий таковым указывают Харьков, хотя вдова учёного Е. Хандлер-Кузнец заверила его, что Кузнец родился в Пинске [28, с. 241]. Ещё более серьёзные искажения в биографии вызвало ошибочное, как оказалось, толкование слов из нобелевской автобиографии Кузнецца: «My university studies began in Russia, and were completed at Columbia University (B.Sc. in 1923, M.A. in 1924, Ph.D. in 1926)» [36]. Главный акцент фразы однозначно смещён к Колумбийскому университету, где С. Кузнец получил свои научные степени. Однако исследователям казалось наиболее логичным и даже очевидным, что первая часть фразы не может указывать ни на что иное, кроме как на аналогичный вуз «в России», в Харькове, где жил Кузнец – Харьковский университет. Про существование других экономических вузов в Харькове начала XX в. вряд ли кто тогда помнил и догадывался.

Наверное, наиболее развёрнуто С. Кузнец высказался о своей доамериканской биографии на праздновании своего 80-летнего юбилея в Гарварде. Эти слова из его выступления приводит Р. Фогель: «Я приехал в эту страну в 1922 году, когда мне был 21 год, таким образом, большую часть своей первой четверти жизни я провёл в России, преимущественно в обучении, но также в приобретении изрядного количества жизненного опыта: война, революция, два года в экономическом учреждении (*institution devoted to economics* – в оригинале, Д. М.), два года в советском правительстве. Собственно, я закончил как глава секции бюро статистики труда Украины, и моя первая публикация была на русском языке, когда я был в зрелом двадцатилетнем возрасте. Таким образом, когда я прибыл в Соединённые Штаты, я прибыл со специфическим багажом: обучением в научной гимназии (*scientific gymnasium* – в оригинале, Д. М.), изрядным опытом статистических исследований в экономике, изрядным объёмом прочитанного (я хорошо знал работы Шумпетера ещё перед приездом сюда) и любовью к правильным количественным процедурам, которые прилагаются к обществоведческой тематике» [27, с. 31]. Здесь обращают на себя однозначные указания Кузнецца на то, что значительную часть своей академической эрудиции и «жизненного опыта» в ключевой момент своего личного формирования он приобрёл в Харькове. Однако, что это был за опыт и в чём состояла приобретённая в Харькове эрудиция?

Прорыв в воссоздании канвы фактов харьковского периода биографии Кузнецца связан с серией работ В. Московкина, вышедших в 2002–2012 гг. В. Московкиным была найдена и опубликована в репринте первая научная работа Кузнецца «Денежная плата рабочих и служащих фабрично-заводской промышленности Харькова в 1920 году», опубликованная в Харькове в 1921 г. [8]. В 2010 г. В. Московкин обратился к дочери С. Кузнецца – Дж. Штейн, получив от неё документы, свидетельствующие, что в 1918–1921 гг. С. Кузнец обучался в Харьковском коммерческом институте (ХКИ), сдав часть экзаменов за 1-й и 2-й курсы обучения [10; 11]. Затем В. Московкиным были установлены обстоятельства обучения С. Кузнецца в реальных училищах в Ровно и в Харькове, а также биографические данные его учителей в ХКИ [9; 12; 14]. Данные об обучении Кузнецца в Харьковском коммерческом институте хорошо ложатся на уже изданные работы по истории этого учебного заведения [18]. Попытка соотнести научные взгляды Кузнецца с концептуальным содержанием его харьковского периода академической активности была предпринята в работе В. Московкина и Д. Михайличенко, предпринявших публикацию магистерской диссертации С. Кузнецца «Экономическая система д-ра Шумпетера, излагаемая и критикуемая», представленной в Колумбийском университете в 1924 г. [13]. По свидетельству М. Перлмана, эта диссертация представляла собой доработанную англоязычную версию курсовой работы второго года обучения в ХКИ [35, с. 130].

Таким образом, у нас достаточно информации, чтобы продолжить восстанавливать фактическую канву харьковского периода академической биографии С. Кузнецца в её содержательной части.

Целью статьи является воссоздание тех интеллектуальных течений начала XX ст., которые могли оказать долговременное влияние как на научную эрудицию Кузнецца, так и на его взгляды на экономическую науку.

Изложение основного материала статьи. Наши суждения о том интеллектуальном влиянии, которое оказывали на С. Кузнеця его учёба в ХКИ и в Колумбийском университете, осложняет то обстоятельство, что и «харьковская» и «колумбийская» академические традиции того времени были схожи. Они отражали единый интеллектуальный процесс в экономической науке конца XIX – начала XX ст. и во многом сходные его течения.

Так же, как и учёные украинских университетов, их американские коллеги во всё возрастающем числе отправлялись в Германию для академических стажировок. В частности, их интересовали немецкие достижения в экономической статистике, представленные трудами Э. Энгеля. Сбор и систематизация статистических и исторических фактов экономической жизни был сильной стороной исторической школы. По замечанию Дж. Дорфмана, на американских студентов производили большое впечатление основательные работы В. Рошера и А. Вагнера посвящённые исследованию отдельных секторов и отраслей экономики – сельского хозяйства, промышленности, торговли, транспорта [14, р. 22–23]. Научный руководитель С. Кузнеця в Колумбийском университете и в Национальном бюро экономических исследований (The National Bureau of Economic Research – NBER) в 1920–1940-х гг. У. Митчелл в начале 1900-х гг. стажировался в университетах Галле и Вены, где слушал лекции лидеров исторической и австрийской школ политической экономии Й. Конрада и К. Менгера [22, р. 732]. Всё же, если В. Ф. Левитский был включён в процесс научного дискурса преимущественно с «континентальной» стороны – немецко- и франкоязычного академического сообщества и тесно связанной с ними российской / украинской научной мысли, то У. Митчелл развивал теоретические положения исходя из англо-американской традиции, где проблематика «спора о методах» (Methodenstreit) между «историками» и «маржиналистами» приобрела несколько иное звучание.

В Великобритании и США (А. Маршалл, Дж. Кларк) маржиналистская революция вела к созданию теории предельной полезности и слиянию её с теоретическими положениями классической школы, то есть, к оформлению неоклассического направления в экономической науке. В американском академическом сообществе эта тенденция встретила последовательные возражения со стороны Т. Веблена, учёного, оказывавшего наибольшее влияние на научные взгляды У. Митчелла. Относительно истоков взглядов самого Т. Веблена У. Митчелл в своих лекциях по истории экономической мысли высказывался предельно прямо, определив Веблена как «прилежного ученика немецкой исторической школы» [16, р. 424; 33, р. 590–591].

Критика Т. Вебленом неоклассического направления сосредотачивалась на его ключевом постулате – на модели экономического поведения человека, которую Т. Веблен, а вслед за ним и У. Митчелл связывали с «традиционной психологией гедонистов раннего девятнадцатого века» [37, р. 622]; то есть с философией утилитаризма И. Бентама¹. У Бентама человеческая жизнь и деятельность определялись «психологическим гедонизмом» – рациональным стремлением к счастью и к удовольствиям. В применении к экономическому поведению она означала выбор на основе принципа максимизации полезности, «гедонистическое исчисление» (hedonistic calculus), по выражению Т. Веблена [37, р. 622]. Веблен возражал против такого априористского подхода. С точки зрения Т. Веблена и У. Митчелла, такое понимание человеческой психологии было недопустимым упрощением, «наивным предрассудком» [29, р. 648]. Создаваемые на их основе теории предельной полезности «дедуктивные» теоретические построения Т. Веблен и его сторонники полагали лишёнными научных оснований и связи с действительностью.

Сам Т. Веблен считал человеческое поведение более сложным. Выявление его механизмов, по его мнению, требовало обращения к конкретным фактам экономической жизни. Отсюда выводилось понятие институтов как исторически меняющихся и соответствующих условиям развития общества психологических и социокультурных моделей экономического поведения человека [37, р. 627–628]. Также Т. Веблен возражал против «статического» характера теории предельной полезности. Она, указывал Т. Веблен в своём труде «Недостатки предельной полезности», опубликованном в 1909 г., «не даёт никакой теории движения, будучи целиком занятой подгонкой стоимостей к данной ситуации» [37, р. 620]. Собственные подходы к пониманию природы экономического поведения человека буржуазного общества Т. Веблен дал в трудах «Теория праздного класса», «Теория делового предпринятия», «Инстинкт мастерства» и проч.

Проблемой дискуссии Т. Веблена и неоклассиков была слабая обоснованность предлагавшихся оппонентами пониманий мотивов экономического поведения человека. Доказательно аргументировать преимущества «гедонистического» или «вебленовского» подходов было затруднительно, что отмечал сам У. Митчелл. Сложно было возразить на аргументы неоклассиков, которые признавали, что в отдельных случаях человеческого поведение может отклоняться от максимизирующего полезность мотива, однако при достаточно большом количестве наблюдений они компенсируют друг друга и не влияют на результирующие показатели, например, рыночную цену товара. Подобное возражение будет особенно убедительным, если рассматривать его с точки зрения теории математической статистики. Будучи агрегированными до уровня сообществ, отклонения от об-

¹ С философией И. Бентама С. Кузнец мог ознакомиться из лекций Н. С. Стеллецкого, если, конечно, курс богословия ещё читался в ХКИ в 1918-м году. «Мораль эвдемонизма и утилитаризма (Бентам и Милль)» в Н. С. Стеллецким рассматривалась в блоке «Так называемых научных теорий нравственности» [8, с. 26].

щей модели экономического поведения не играют принципиального значения. Следовательно, экономическая наука может быть освобождена от исторических и психологических допущений [19, p.1294–1295, 1298].

В проблеме эмпирического исследования и доказательства реальных форм экономического поведения человека следует искать истоки научного творчества У. Митчелла. У. Митчелл ставил перед собой грандиозную, как для своего времени, задачу по проведению экономико-статистического анализа хозяйственных процессов в масштабах национальной экономики. Такой анализ должен был выявить подлинные формы экономического поведения людей и показать на практике, как они обуславливают макроэкономическую динамику. Исходная гипотеза У. Митчелла была, вероятно, близка трудам Т. Веблена, писавшего о нерациональном, «завистливым» потреблении масс и хищническом стяжательстве корпораций. Экономика в таком случае не могла находиться в неоклассическом равновесии, имея неравновесную кризисную динамику. Т. Веблен придавал этому вопросу широкое звучание, говоря о проблеме неустойчивости капитализма как экономической системы [13, p. 76]. Этот факт У. Митчелл, по-видимому, собирался выявить, исследуя механизм бизнес-циклов.

В 1910-х – начале 1920-х гг. У. Митчелл продолжал напряжённо работать над этим тройственным блоком проблем. В 1910-м г. вышла его большая статья «Рациональность экономической активности» [31; 32]. В противовес неоклассикам, которых он называл «психологическими гедонистами», У. Митчелл стремился вывести экономические закономерности из индуктивных посылок, основанных на анализе эмпирических фактов. Любые гипотезы относительно экономических закономерностей должны быть эмпирически выведены или эмпирически проверены. Митчелл полностью разделял убеждённости Т. Веблена в сложности экономического поведения человека, воплощённого в исторически изменчивых институтах [31]. Объяснение развития институтов может быть только генетическим – «работы Шмоллера и Зомбарта в Германии, Вебса в Англии и Веблена в Америке... направлены к тому, чтобы стать экономической теорией этого типа» [32, p. 112]. В 1914-м, 1917-м и 1918 гг. выходят три его работы о неоклассической школе, в том числе «Фелицитический калькулятор Бентама» и «Визеровская теория социальной экономики» (взглядам Ф. фон Визера будет уделено большое внимание в магистерской работе С. Кузнеця).

У. Митчелл проводит требующий большого труда сбор статистических данных об интересующих его процессах в экономике, анализирует получаемые распределения, строит временные ряды динамики выбранных показателей. Эта методология была развита уже в его первых больших трудах, посвящённых опыту эмиссии фиатных денег правительством США («A History of the Greenbacks», 1903; «Gold Prices and Wages Under the Greenback Standard», 1908). Эти публикации были развитием докторской диссертации У. Митчелла. В их научном стиле чувствуется сильное влияние научного руководителя У. Митчелла, Дж. Лафлина. Складывается впечатление, что в последующем У. Митчелл развивал и подвергал эмпирической проверке идеи Т. Веблена с доскональностью и педантичностью присущей Дж. Лафлину. Очерк интеллектуальных влияний на молодого У. Митчелла дан в статье Ф. Миллса [22].

Накануне войны вышел фундаментальный труд У. Митчелла, посвящённый исследованию делового цикла («Business Cycles», 1913). Очевидно, что изучение такой глобальной проблемы, если оно проводилось на основании эмпирических данных, требовало больших усилий, сопряжённых со сбором и обработкой статистической информации. Отсутствием общепринятых стандартов в сборе данных и несопоставимостью использованных в разных публикациях статистических показателей были едва ли не большей исследовательской проблемой, чем существование целого ряда различных теорий бизнес-цикла, нуждавшихся в проверке. Это обстоятельство, подчёркнутое У. Митчеллом в предисловии к «Бизнес циклам», по-настоящему глубоко поразило его во время работы в правительственных комиссиях в годы Первой мировой войны [15, p. 458]. Требовалось создание стандарта статистической информации и прозрачных методик исчисления основных показателей, характеризующих хозяйственную динамику США. Данное направление исследований целиком занимало У. Митчелла в 1920-е гг., оно же послужило ведущим мотивом создания NBER. В 1921 г., как раз перед приездом С. Кузнеця в страну, под редакцией У. Митчелла были опубликованы результаты первого крупного исследовательского проекта NBER по исчислению объёма, структуры и распределения национального дохода в США в 1919 году [28]. У. Митчелл занял пост профессора в Колумбийском университете в 1922 г. Он преподавал курсы «Современные типы экономической теории» и «Бизнес циклы» [14, p. 455–456].

Таким образом, данные мотивы обуславливали интерес У. Митчелла к экономической статистике. Экономико-статистическое исследование требует определённых инструментов и методов, которые в начале XX ст. переживали этап быстрого развития. Возвращаясь к сделанному А. Мэдсоном замечанию о «продвинутой» подготовке Кузнеця в экономическом анализе и его «революционизирующей» роли в развитии и использовании количественных методов исследования, интересно сопоставить этот аспект его университетской подготовки в Украине и в США.

Рассмотрение работ У. Митчелла [24; 26; 27] показывает, что основным направлением его исследований в статистическом и математическом аспектах было построение временных рядов динамики интересующих его показателей, в частности, динамики цен (включая цены на труд) и ценовых индексов. У. Митчелл использует такие методы их анализа, как вычисление различных видов средних значений (арифметическое, геометрическое, гармоническое), темпов прироста, выравнивания относительно среднего значения, взвешивания

данных, введение поправочных коэффициентов, отношений, расчёт номинальных и реальных показателей, графическое представление данных (линейные диаграммы). В отдельных случаях проводится анализ (графический) распределений.

Небольшая работа «The Making and Using of Index Numbers», опубликованная в Бюллетенях Бюро трудовой статистики в 1915 г., была посвящена подходам к исследованию ценовых колебаний. В ней рассматривались виды цен, проблемы получения связанной с ними статистической информации, а также методы анализа полученных данных, преимущественно временных рядов. Эта работа У. Митчелла переиздавалась репринтно в 1938 г. и в 1965 г., став «основным пособием студентов, занимающихся экономической статистикой» [15, р. 455]. В ней уделяется внимание проблеме построения интегральных индексов цен и сравнению применяемых на то время методик. Сравнение первой публикации 1915 г. и её репринтных изданий показывает, что при подготовке обновлённых данных в них вносились важные методологические новации. В Бюллетене 1915 г. не используются методы анализа, кроме указанных выше, а слово «тренд» употребляется как синоним тенденции [23].

Можно с уверенностью предположить, что интерес к развивавшемуся тогда математико-статистическим методам У. Митчелл выявляет в 1920-е гг. Как отмечает А. Хансен, тогда же изменяется и его отношение к актуальным достижениям «континентальной» экономической науки, ясно выявленное невниманием к новейшим теориям бизнес-циклов, предложенных европейскими неанглоязычными учёными (Викселом, Туган-Барановским, Шпитоффом, Шумпетером) в 1913 г. Интересно отметить, что Шумпетер был проигнорирован полностью [17, р. 247]. В работах середины – второй половины 1920-х гг., в частности, в «Business Cycles, the Problem and Its Setting» (1927 г.), содержится уже основательный обзор концепции М. Туган-Барановского.

В методологической работе 1925 г. «Quantitative Analysis in Economic Theory» У. Митчелл противопоставляет механистический, «ньютоновский», подход Дживонса и Маршалла к математическому моделированию экономического поведения человека, новому статистическому и вероятностному мышлению Максвелла. Заключая, в частности, что: «элементы вариативности, неопределённости, несовершенных приближений более заметны в статистической работе социальных наук, чем в статистической работе наук естественных» [30, р. 11]. Эту неоднократно высказывавшуюся У. Митчеллом мысль С. Кузнец последовательно развивает в своей статье 1930 г. «Static and dynamic economic», противопоставляя данные два течения в экономической методологии. Данная статья важна в понимании генезиса научных убеждений Кузнеца, поскольку его рассуждения о методе приобретают здесь очень выразительную форму. На современном этапе противостояние основных течений экономической методологии продолжилось как оппозиция «статистически мыслящих экономистов» количественной школы статистической мысли экономистам-неоклассикам. Интересно, что это различие С. Кузнец приписывает Дж. Ст. Миллю и О. Конту [18].

В новой работе У. Митчелла «Business cycles, the problem and its setting» (1927 г.) мы видим совершенно новый уровень в использовании математико-статистических методов исследования. В этом отношении данная большая работа является настоящим контрастом по сравнению с трудами 1908–1919 гг. В ней широко используются методы построения линейной и нелинейной регрессии для анализа рядов динамики, графическое представление данных, а также анализируются отклонения реальных рядов данных от предсказанных линией тренда значений.

В разделе 3, специально посвящённом математико-статистическим методам анализа рядов динамики, У. Митчелл выражает свою признательность сотрудникам NBER Ф. Миллсу и А. Янгу за помощь в работе над ней. Анализ трудов этих исследователей выявляет ту же черту в развитии американской экономической науки: и у этих исследователей публикации, в которых используются методы математико-статистического анализа данных, появляются в начале 1920-х гг. В 1921 г. А. Янг вскользь упоминает метод наименьших квадратов в своей статье «The Measurement of Changes of the General Price Level» [39, р. 566–567], в публикации 1925 г. «An Analysis of Bank Statistics for the United States» довольно широко используется метод регрессионного анализа (множественные линейные и полиномиальные уравнения второй степени) для построения линии долговременных трендов [38]. Ф. Миллз в 1924 г. и 1925 г. (совместно с Д. Давенпортом) опубликовал работы, обобщающие методику и технику использования математико-статистических методов в экономическом исследовании [21]. В ней мы видим широкое и полное изложение всей гаммы современных авторам математико-статистических методов: графическая репрезентация данных, распределения частот, дисперсия данных, множественные и частичные корреляции, регрессионный анализ, стандартное отклонение. Работа Миллса имела позитивные рецензии. В германоязычном «Weltwirtschaftliches Archiv» Ф. Цицек (F. Zizek) указывал на преимущественную опору Миллса на англоязычные источники и на некоторые концептуальные различия его подхода и подхода исследователей из континентальной Европы. Так, его удивило, что Миллс разрабатывает «специальную экономическую методологию экономики и бизнеса», что для Германии было не свойственно. Также бросилось в глаза европейцу-рецензенту игнорирование Миллсом «проблем фундаментального значения», в частности, закона большущих чисел [40, р. 23–24]. Таким образом, мы видим отражение статистической революции в методах статистического исследования в США, которая пришлась именно на 1921–1925 гг. На

1924–1925 гг. приходится наибольшее число называемых Митчеллом обобщающих изданий по экономической статистике, вышедших в США [25, р. 201].

Упомянув о прогрессе экономико-статистических исследований, У. Митчелл прежде всего упоминает редактируемый Н. Д. Кондратьевым «Экономический бюллетень» Конъюнктурного института в Москве [25, р. 201]. Очевидно, что русскоязычные публикации У. Митчелл вероятнее всего рассматривал с помощью С. Кузнеця. Но наиболее интересным фактом является то, что в подготовке наиболее интересного с точки зрения использованных математико-статистических методов 3 раздела 3 главы «Проблема долговременных трендов» У. Митчелл прямо благодарит С. Кузнеця, который «великодушно позволил... воспользоваться результатами своих исследований до их публикации» [25, р. 213]. В этом разделе временные ряды аппроксимируются кривыми нелинейных функций и высказывается предложение об использовании кривой Гомпертца² или логистической кривой для анализа экономических серий и выявления циклических колебаний показателей экономической динамики. В работах Кондратьева, Кузнеця, а также европейских исследователей ван Гелдерена и де Волффа, также выявивших экономические циклы в рядах хозяйственной динамики, У. Митчелл увидел прекрасную перспективу выявления внутренне присущих «капиталистической экономике» (кавычки У. Митчелла) характеристик, разрушающих концепцию неоклассического равновесия [25, р. 229].

Таким образом, мы видим сложную картину интеллектуальных взаимодействий. У. Митчелл видел в эмпирической экономике возможность выявить неравновесность, кризисную динамику капиталистической экономики, обусловленную, согласно теории Т. Веблена, институционально различным экономическим поведением индивидов и групп. Теоретически и практически он был глубоко занят проблемой получения достоверной и всеобъемлющей статистической информации о состоянии хозяйства. В области математико-статистических методов анализа он был очевидно зависим от своих младших коллег из NBER. Кузнец воспринимает доктрину Веблена–Митчелла, однако, переносит акценты на эмпирическую (индуктивную) методологию в экономическом анализе и «статистическое мышление», оказывая обратное влияние на У. Митчелла.

Возникает вопрос, не было ли «статистическое мышление» экономистов чем-то, отражавшим харьковский академический опыт С. Кузнеця? Однозначно, что интерес к статистике С. Кузнец проявил уже в Харькове, на что указывает и выбор им экзамена, который он сдавал в 1921 году, и выбор им своего места работы. Выбор С. Кузнецом У. Митчелла как своего научного руководителя также весьма характеризует его интересы и убеждения при поступлении в Колумбийский университет.

Идеи, относящиеся к статистической методологии экономического анализа, С. Кузнец мог почерпнуть из нескольких дисциплин, прослушанных им в ХКИ.

Как мы могли убедиться, подход Т. Веблена был более радикальным как по содержанию, так и по следующим из него выводам, чем идеи В. Ф. Левитского. В. Ф. Левитскому теория полезности должна была бы импонировать не только своей «аналитичностью» и «научностью», сводимой к ясным логическим выводам и детерминированным математическим моделям. Необходимо помнить, что этический утилитаризм он воспринимал в народнической интерпретации Н. Г. Чернышевского. Как сам В. Ф. Левитский указывал в своей автобиографии, прочтение «Начал политической экономии» Дж. Ст. Милля в переводе Чернышевского стало началом его интереса к экономической науке³. Именно перевод и комментарии Н. Г. Чернышевского сделали труд Милля знаковым для народнической молодёжи «поколения 1870-х гг.» в Украине. Сохранявшийся Левитским пиетет к трудам Милля был скорее следствием его народнических увлечений молодости, чем приверженности классическому английскому либерализму.

Чернышевский рассматривает «Начала политической экономии» Милля через призму взглядов социалистов-утопистов. В труде Милля он видел экономическую методологию, дающую в своём развитии средства научного обоснования их взглядов. В «Замечаниях к первым двум главам первой книги» своего перевода «Начал политической экономии» Дж. С. Милля Чернышевский акцентирует внимание на значении математики и статистики в экономическом исследовании – «иначе и быть не может, потому что предмет науки – количества, подлежащие счёту и мере, понимаемые только через вычисление и измерение» [9, с. 70]. Далее он указывает на известную трудность, связанную со сложностью экономических явлений – наблюдаемые факты включены в сложные системы зависимостей, структура которых отнюдь не всегда является очевидной. Выход из этой ситуации Чернышевский видит в использовании предлагаемого им «гипотетического метода исследования». Как видно из последующего объяснения, на практике, Чернышевский подразумевает под ним построение редукционистской модели, сводящей сложные значимости к бесспорным для автора. Например, для Чернышевского дискутируемый вопрос о влиянии (позитивном или негативном) Наполеоновских войн

² Идея использования кривой Гомпертца, возможно, была взята Кузнецом из упоминаемой в работе Митчелла прекрасно обоснованной статьи Р. Прескотта «Law of Growth in Forecasting Demand», опубликованной в «Journal of the American Statistical Association» [35].

³ Интересно, что сокращённое издание «Основ политической экономии» в 1884 г. предпринял в США и учитель У. Митчелла – Дж. Лафлин. Целью Дж. Лафлин было приблизить труд Милля к конкретному материалу американской экономики и сделать его менее пугающим студентов своей абстрактностью [20, р. III].

на динамику экономического развития Англии очень прост. Применив «гипотетический метод», он проводит рассуждения, которые «бесспорно указывают, что отвлечение из народного хозяйства работников (в армию) никогда не делает общество богаче [9, с. 72–73]. «Гипотеза», таким образом, доказана.

Здесь мы видим очевидный самообман. Чернышевский делает попытку, вероятно, ненамеренную, опереться для пропаганды своих взглядов на доказательную силу науки. Математика хороша для него тем, что даёт логически неопровержимые доказательства своих теорем. Другое дело, что «условием» доказываемой «теоремы» является крайне редуцированная и не соответствующая действительности модель. В целом же «гипотезы» Чернышевского внешне похожи на те модели, которыми оперировали экономисты-классики школы ещё до появления «робинзонад» австрийской школы.

Другим источником знаний Кузнецова о статистике и её методе был курс собственно статистики. В ХКИ он преподавался на 2-м курсе, предполагалось проведение лекций по теоретической статистике и семинарских занятий.

Лекционный курс вёл профессор Харьковского университета и ХКИ А. Н. Анцыферов (1867–1943). А. Н. Анцыферов происходил из дворян Воронежской губернии, где у него оставалось поместье-экономика. После окончания юридического факультета Московского университета (1890 г.) он некоторое время работал в земских учреждениях на родине. В 1902 г. он переехал в Харьков и начал свою академическую карьеру, получив должность приват-доцента кафедры политэкономии и статистики. В 1904–1906 гг. он стажировался в Европе, посещая семинары И. Конрада, Л. Брендано, Ш. Жида. В 1907 г. защитил магистерскую диссертацию «Кооперация в сельском хозяйстве Германии и Франции». В 1917 г. докторская диссертация открыла ему путь к должности ординарного профессора Харьковского университета и ХКИ.

И деятельность, и научные взгляды А. Н. Анцыферова имели несколько отличительных особенностей. Анцыферов был политически активным либералом и общественным деятелем. Он был одним из лидеров влиятельной партии левого центра – Партии народной свободы – в Харькове. Его преобладающим интересом было развитие кооперативного движения. Его теорию он изучал как учёный, и в его организации он участвовал как крупный эксперт из академического сообщества. В частности, велика была роль Анцыферова и в создании Московского народного банка, и в созыве Всероссийского кооперативного съезда. Наконец, по воспоминаниям А. Р. Гюнтера, Анцыферов был глубоко увлечён работами итальянских статистиков⁴. Во время учёбы Кузнецова Анцыферов покидал Харьков в декабре 1918 г. – июне 1919 г. (на время «Второй советской республики» в Украине), и в ноябре 1919 г. (окончательно) – активное сотрудничество с Белым движением не оставляло ему выбора. В эмиграции Анцыферов продолжал успешную академическую карьеру в Париже, будучи удостоенным в 1942 г. премии Парижской Академии Наук.

Если взглянуть на отчёт А. Н. Анцыферова о преподавании статистики в ХКИ в 1916–1917 гг., то можно отметить безусловно высокий уровень его курса в той части, которая касается сбора статистической информации. Кроме теоретической части студенты детально знакомились с организацией и техникой харьковских городских и земской подворной переписей, Всероссийской переписи 1897 г. и студенческой переписей. Практические занятия по статистике велись в трёх группах ассистентами И. Белянина, Г. Обдулы и А. Макаровского. В какой из них занимался Кузнецов, нам не известно.

Что же касается теоретической части курса, то здесь основной проблемой является так называемая «качественная методология», господствовавшая в российской статистической науке конца XIX ст. – начала XX ст. Изданные в этот период учебники российских авторов, не исключая и популярного в 1910-е годы «Курса элементарной статистики» (1908 г.) Анцыферова, были построены примерно по одной схеме, заданной классическими образцами Ю. Э. Янсона и А. И. Чупрова, различаясь лишь в деталях. Теоретически и методологически они развивали схему А. Кетле, которую наилучшим образом определяют как «механистический детерминизм».

Согласно взглядам Кетле, социальные процессы подчинялись жёстким законам «социальной физики». Убедившись в устойчивости относительных показателей социальной статистики, например, статистики преступлений, Кетле приходит к выводу об их определённости средними значениями, отклонение от которых является лишь мерой тяготения к ним социального поведения под влиянием обуславливающих его жёстких законов [11, с. 71–73]. Таким образом, социальная статистика («моральная физика») Кетле – это статистика средних величин, характеризующих «среднего человека» – *l'homme moyen*, который и является социальной реальностью данного общества. Нормальное распределение статистических показателей вокруг среднего значения осмысливалось Кетле именно как распределение ошибки среднего. Наблюдаемые вариации вокруг «стандартного» социального или биологического типа происходило благодаря «ошибкам природы» [34, р. 416]. «Способом к отделению влияния причин постоянных от действия причин пертурбационных служит, по Кет-

⁴ А. Р. Гюнтер характеризует Анцыферова как «интересно читавшего лекции, но сухого человека». «Неприятной» была манера Анцыферова принимать экзамен: он молча выслушивал студента и молча, без вопросов, возвращал ему зачётку с оценкой. Сам А. Р. Гюнтер получил отличную оценку, завязав с Анцыферовым разговор на итальянском языке и сразу упомянув Н. Колайяни.

ле, вывод средних величин. Средняя величина даёт нам тот тип явлений, который образуется под влиянием постоянных причин; отклонения же от среднего числа выражают собой действие причин пертурбационных», как излагал эту мысль в своих лекциях А. И. Чупров [11, с. 74]. С этой точки зрения можно, например, говорить, что представитель определённой социальной группы не совершил «положенного» ему среднего числа преступлений лишь в силу «пертурбационных» отклонений.

В российских «кетленианских» курсах статистики данная доктрина предполагало следующее построение учебного материала. В пользовавшемся огромной популярностью лекционном курсе А. И. Чупрова рассказ об истории развития статистики завершался развёрнутым изложением философской позиции учения А. Кетле. Далее следовал обширный блок, посвящённый практическим вопросам организации сбора статистической информации и доступным её источникам. Затем излагалась схема группировки и формирования сводок статистической информации. Наконец, «научная обработка статистических данных» предполагала вычисление средних величин, определение их «устойчивости» с помощью формул Бернулли и Пуассона, вычисление некоторых показателей вариации ряда – прежде всего максимума и минимума. Сравнительные методы исследования были очень просты или не опирались на математические приёмы. Например, предлагалось сравнивать ранжированные относительно среднего ряды данных для выявления их положительной или отрицательной связи, или воспользоваться законами «индуктивной логики» Дж. Ст. Милля [11].

Слабость объективных приёмов анализа статистических данных послужила поводом называть методологию статистики этого периода «качественной» и указывать на произвол в выводах, к которому вело данное обстоятельство. Например, опираясь на одни и те же данные о размерах крестьянских хозяйств, исследователи могли и говорить о развитии капитализма в России, и настаивать на «трудовом» характере крестьянства в зависимости от своих политических предпочтений. Характерно, что в своих наиболее значительных экономических работах, посвящённых экономике сельского хозяйства, железнодорожному хозяйству, поточной торговой и социальной политике, А. И. Чупров практически не проводит анализа статистического материала, используя отдельные данные лишь как иллюстрацию. Интеллектуальное влияние А. И. Чупрова, признанного на то время крупнейшего российского экономиста, было велико. В данном случае оно ещё более усиливалось близостью московской и харьковской школ в 1910-е гг. И. В. Ф. Левитский и А. Н. Анцыферов были учениками Чупрова.

В учебнике Анцыферова, изданном в 1908 г., сохраняется «классическая» схема подачи материала Янсона-Чупрова. Основной упор в проблеме научного анализа материала традиционно делается на индуктивную логику Дж. Ст. Милля. В то же время можно наблюдать появление, под влиянием работ В. Лексиса, объективных, математических методов анализа – излагается понятие о дисперсии признака [3, с. 295–297].

В 1910-е гг. в российском академическом сообществе происходит революция в статистическом методе, вызывавшаяся адаптацией достижений континентальной школы В. Лексиса и В. Борткевича и ещё более радикальным влиянием идей К. Пирсона. Отражением этой революции служит резонансная книга А. А. Чупрова (сына А. И. Чупрова) «Очерки по теории статистики» [10], вышедшая в 1909 г. и вызвавшая широкую дискуссию. По структуре работа А. А. Чупрова следует «кетленианской» схеме. Однако по своему содержанию она посвящена философскому переосмыслению её основных постулатов (закона больших чисел, нормального распределения, средних и «устойчивости рядов») в свете новых достижений. В размышлениях А. А. Чупрова можно видеть внутренний конфликт, возникающий при переходе от детерминистского научного мышления к вероятностному и от мышления в категориях средних значений к мышлению в категориях распределений величин. Как замечал сам А. А. Чупров, «пора оторвать и теорию статистики от тех глубокомысленных рассуждений на философские темы, которые так долго вплетала в неё несчастная мысль связать факт статистической закономерности с проблемой детерминизма» [10, с. XXXIII]. Бросающейся в глаза особенностью работы Чупрова является также широкое признание им значения работ К. Пирсона. Последнее обстоятельство не могло не обуславливать всплеска интереса к работам Пирсона в Российской империи в 1910-е гг.

Действительно, сравнивая учебники статистики А. Н. Анцыферова, изданные в 1908 и 1919 гг., последний очевидно является отражением курса, который С. Кузнец слушал в ХКИ, можно отметить развитие математического аппарата статистического анализа в направлении методов анализа распределений. Наиболее заметным здесь является интеграция в неизменную схему курса понятия о линейной корреляции рядов данных и коэффициенте коррекции. Уравнения регрессии упоминаются в этом контексте, однако о возможностях их применения ничего не говорится [2, с. 188–196]. Говоря о «современной математической школе», А. Анцыферов ограничивается перечислением имён её представителей. Более обширно он говорит об идеях Кетле, указывая на «их слишком механистический характер». Интересно замечание Анцыферова, что «отклонения» от среднего в социальной статистике возникают под влиянием свободной воли человека [2, с. 26].

Расширенное рассмотрение проблем математической статистики должно было даваться в курсе теории вероятностей, который читал в ХКИ С. Н. Бернштейн. С. Н. Бернштейн являлся одним из крупнейших математиков XX ст. В период обучения С. Кузнец в ХКИ в центре научных интересов С. Н. Бернштейна была теория вероятностей. В 1917 г. им была предложена и опубликована первая её аксиоматика.

Для понимания общего академического контекста, который обуславливал адаптацию учёным сообществом Харькова новой теории статистики, необходимо указать на его ценностные аспекты. Конфликт «детерминистского» и «вероятностного» мышления в российском академическом сообществе имел глобальный, мировоззренческий характер. Механистический детерминизм был частью картины мира народнических поколений российской интеллигенции второй половины XIX ст. Отказ от него для многих означал отказ от собственных убеждений и ценностей. Осознание этого факта позволяет понять природу конфликта математических школ в России начала XX ст.

А. А. Чупров в своих «Очерках» противопоставляет С. Пуассона и К. Пирсона, указывая, что эмпирическая направленность изысканий К. Пирсона обуславливает быстрый прогресс статистического метода. Тогда как слишком абстрактный стиль работ С. Пуассона делает непонятной возможность практического приложения его теории. Это же можно было бы сказать о работах представителей школы П. Л. Чебышева – П. Л. Чебышева, А. М. Ляпунове, А. А. Маркове. Ими был сделан ряд достижений в развитии центральной предельной теоремы и теории стохастических процессов. (А. М. Ляпуновым – во время его преподавания в Харьковском университете в 1885–1902 гг.). Можно предположить, что их реализации в методологии статистического анализа препятствовало их детерминистское толкование, что неудивительно – Ляпунов, и Марков происходили из семей радикальных народников и были последовательными сторонниками данных убеждений.

Несомненно, что киевская статистико-экономическая школа находилась под более сильным влиянием идей К. Пирсона. Однако у нас нет свидетельства интереса к работам её представителей, например, к учебнику Е. Е. Слуцкого «Теория корреляции и элементы учения о кривых распределения», вышедшей в 1912 г., в Харькове.

В 1902 г. московский математик П. А. Некрасов выступил с критикой «социальной физики» Кетле и дал новую философскую интерпретацию теории вероятностей, увязав её с проявлениями свободы воли человека [12, с. 19–20]. В 1910-е гг. противостояние между механическими детерминистами и их оппонентами вылилось в противостояние петербургской (учеников П. Н. Чебышева) и московской математических школ по вопросу о свободе воли. В 1915 г. Некрасов выступил с предложением о введении преподавания теории вероятностей в средних учебных заведениях, видя в ней противовес основанному на социальном детерминизме левым доктринам [36]. В разгоревшейся вокруг этого предложения дискуссии принимал участие и С. Н. Бернштейн, разумеется, на стороне петербургской школы, преподававший курс теории вероятностей в ХКИ.

Общее представление о содержании курса теории вероятностей в ХКИ даёт выпущенный в 1917 г. «Элементарный курс теории вероятностей» С. Н. Бернштейна [5]. Действительно, этот курс даёт расширенное толкование основных теорем теории вероятностей, на которых строилось обоснование статистического метода Кетле – теорема Бернулли, теорема Пуассона, формула Баяеса, нормальное распределение; и на примере анализа классических опытов (подбрасывание монеты, вынимание шаров, доставание карт). Понятие о средней арифметической дополнялось главой о дисперсии. Насколько «абстрактным» был курс Бернштейна на практике, сложно судить в силу отсутствия источников. Тем не менее, известно, что С. Н. Бернштейн, в полном соответствии со своей убеждённости, что «область приложения математики не имеет иных границ, кроме границ самого знания» [7, с. 19], в харьковский период своей академической деятельности принимал участие и в разработке экономических вопросов. Свидетельства этому можно отыскать в библиографии учёного [4; 6].

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Таким образом, мы можем видеть процесс взаимного влияния С. Кузнеця и его коллег, учителей и сотрудников по Колумбийскому университету и NBER. Научные интересы С. Кузнеця характеризуются оригинальностью и наличием акцентов, которые могут объясняться влиянием харьковского периода его академической биографии. Так, эмпирическая направленность работ Кузнеця может быть лучше объяснена его знакомством с методологическим конфликтом австрийской и немецкой исторической школ и специфическим прочтением философии науки Дж. Ст. Миллса, чем влиянием концепции экономического поведения человека в обществе Т. Веблена.

Комплекс научных проблем и мировоззренческих конфликтов, связанных с переходом от детерминистского к вероятностному мышлению в социальных науках также мог послужить основой для проявления особенностей его научного метода. Новая, основанная на математической статистике методология экономического анализа на момент эмиграции была знакома С. Кузнецю лучше, чем его учителям в Колумбийском университете. В начале 1920-х гг. Кузнец был вовлечён в трансферт научных знаний между динамичной на тот момент советской экономической школой, представленной прежде всего Н. Д. Кондратьевым, и американскими экономистами.

Перспективным направлением дальнейших исследований мы считаем выявление отношения Кузнеця к проблемам экономического развития в постановке Харьковской экономической школы.

Литература: 1. Аникин А. В. Люди науки: встречи с выдающимися экономистами. М.: Дело, 1995. 93 с. 2. Анцыферов А. Н. Курс статистики. Пособие к лекциям. Ч. 1. Полтава: Тип. Фришберга И. Л., 1919. 226 с. 3. Анцыферов А. Н. Курс

элементарной статистики. Харьков: Тип. Дарре А., 1908. 331 с. **4.** Бернштейн С. Н. Об экономическом барометре Конъюнктурного института. *Хозяйство Украины*. 1925. № 4. С. 12–22. **5.** Бернштейн С. Н. Элементарный курс теории вероятностей. Харьков: Типолит. Иванченко С., 1917. 120 с. **6.** Бернштейн С. Н., Клопотова К. Н. Статистические материалы по конъюнктуре народного хозяйства Украины в связи с некоторыми данными, характеризующими общую конъюнктуру Союза и мирового хозяйства за 1924 г. Харьков: Пролетарий, 1925. 80 с. **7.** Виденский В. Сергей Натанович Бернштейн. *Квант*. 1997. № 1. С. 18–24. **8.** Отчёт Харьковского коммерческого института за 1916–1917 учебный год. *Известия Харьковского коммерческого института*. 1918. № 1. С. 15–77. **9.** Чернышевский Н. Г. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1987. 685 с. **10.** Чупров А. А. Очерки по теории статистики. СПб.: Тип. Стасюлевича М. М., 1909. 406 с. **11.** Чупров А. И. Теория статистики и статистики народонаселения: лекции профессора А. И. Чупрова. М.: б. и., 1899. 408 с. **12.** Шейнин О. Б. А. А. Чупров. Жизнь, творчество, переписка. М.: Янус-К, 2010. 301 с. **13.** Davis A. K. Thorstein Veblen Reconsidered. *Science & Society*. 1957. – Vol. 21, No. 1. P. 52–85. **14.** Dorfman J. The Role of the German Historical School in American Economic Thought. *The American Economic Review*. 1955. Vol. 45, No. 2. P. 17–28. **15.** Dorfman J. Obituary: Wesley C. Mitchell (1874–1948). *The Economic Journal*. 1949. Vol. 59, No. 235. P. 448–460. **16.** Dugger W. M. The Origins Of Thorstein Veblen's Thought. *Social Science Quarterly*. 1979. Vol. 60, No. 3. P. 424–431. **17.** Hansen A. H. Wesley Mitchell, Social Scientist and Social Counselor. *The Review of Economics and Statistics*. 1949. Vol. 31, No. 4. P. 245–255. **18.** Kuznets S. Static and Dynamic Economics. *The American Economic Review*. 1930. Vol. 20, No. 3. P. 426–441. **19.** Lewin S. B. Economics and Psychology: Lessons for Our Own Day From the Early Twentieth Century. *Journal of Economic Literature*. 1996. Vol. 34, No. 3. P. 1293–1323. **20.** Mill J. S., Laughlin J. L. Principles of political economy. New York: D. Appleton and Co., 1884. 658 p. **21.** Mills F. C. Statistical Methods: applied to economics and business. New York: Henry Holt and Co., 1924. 746 p. **22.** Mills F. C. Wesley Clair Mitchell, 1874–1948. *The American Economic Review*. 1949. Vol. 39, No. 3. P. 730–742. **23.** Mitchell C. W. Index numbers of wholesale prices in the United States and foreign countries // Bulletin of the United States Bureau of Labor Statistics. Washington: Government Printing Office, 1915. **24.** Mitchell W. C. Business cycles. California: University of California press, 1913. 610 p. **25.** Mitchell W. C. Business cycles, the problem and its setting. New York: National Bureau of Economic Research, 1927. 489 p. **26.** Mitchell W. C. Gold, prices, and wages under the greenback standard. Berkeley: The University Press, 1908. 627 p. **27.** Mitchell W. C. History of prices during the war. Washington: U.S. Govt. Print. Off., 1919. 96 p. **28.** Mitchell W. C. The making and using of index numbers. Washington: U.S. Govt. Print. Off., 1938. 114 p. **29.** Mitchell W. C. Obituary. Thorstein Veblen: 1857–1929. *The Economic Journal*. 1929. Vol. 39, No. 156. P. 646–650. **30.** Mitchell W. C. Quantitative Analysis in Economic Theory. *The American Economic Review*. 1925. Vol. 15, No. 1. P. 1–12. **31.** Mitchell W. C. The Rationality of Economic Activity. *Journal of Political Economy*. 1910. Vol. 18, No. 2. P. 97–113. **32.** Mitchell W. C. The Rationality of Economic Activity: II. *Journal of Political Economy*. 1910. Vol. 18, No. 3. P. 197–216. **33.** Mitchell W. C. Types of economic theory. New York: Augustus M. Kelley, 1969. 875 p. **34.** Mulaik S. A. Exploratory Statistics and Empiricism. *Philosophy of Science*. 1985. Vol. 52, No. 3. P. 410–430. **35.** Prescott R. B. Law of Growth in Forecasting Demand. *Journal of the American Statistical Association*. 1922. Vol. 18, No. 140. P. 471–479. **36.** Seneta E. Statistical Regularity and Free Will: L. A. J. Quetelet and P. A. Nekrasov. *International Statistical Review*. 2003. Vol. 71, No. 2. P. 319–334. **37.** Veblen T. The Limitations of Marginal Utility. *Journal of Political Economy*. 1909. Vol. 17, No. 9. P. 620–636. **38.** Young A. A. An Analysis of Bank Statistics for the United States. *The Review of Economics and Statistics*. 1925. Vol. 7, No. 1. P. 19–37. **39.** Young A. A. The Measurement of Changes of the General Price Level. *The Quarterly Journal of Economics*. 1921. Vol. 35, No. 4. P. 557–573. **40.** Zizek F. Mills, Frederick Cecil. *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1926. Vol. 24. S. 22–24.

References: **1.** Anikin A. V. Lyudi nauki: vstrechi s vydayushchimisya ekonomistami. M.: Delo, 1995. 93 p. **2.** Antsyferov A. N. Kurs statistiki. Posobiye k lektsiyam. Part 1. Poltava: Tip. Frishberga I. L., 1919. 226 p. **3.** Antsyferov A. N. Kurs elementarnoy statistiki. Kharkov: Tip. Darre A., 1908. 331 p. **4.** Bernshteyn S. N. *Ob ekonomicheskoy barometre Konyunktornogo instituta* [On the Economic Barometer of the Institute of the Conjunction]. *Khozyaystvo Ukrainy*. 1925. No. 4. P. 12–22. **5.** Bernshteyn S. N. Elementarnyy kurs teorii veroyatnostey. Kharkov: Tipolit. Ivanchenko S., 1917. 120 p. **6.** Bernshteyn S. N., Klopotova K. N. Statisticheskiye materialy po konyunktury narodnogo khozyaystva Ukrainy v svyazi s nekotorymi dannymi, kharakterizuyushchimi obshchuyu konyunkturu Soyuzu i mirovogo khozyaystva za 1924 g. Kharkov: Proletariy, 1925. 80 p. **7.** Videnskiy V. *Sergey Natanovich Bernshteyn* [Sergey Natanovich Bernshteyn]. *Kvant*. 1997. No. 1. P. 18–24. **8.** Otchet Kharkovskogo kommercheskogo instituta za 1916–1917 uchebnyy god. *Izvestiya Kharkovskogo kommercheskogo instituta*. 1918. No. 1. P. 15–77. **9.** Chernyshevskiy N. G. Sochineniya. M.: Mysl, 1987. 685 p. **10.** Chuprov A. A. Ocherki po teorii statistiki. SPb.: Tip. Stasyulevicha M. M., 1909. 406 p. **11.** Chuprov A. I. Teoriya statistiki i statistiki narodonaseleniya: lektsii professora A. I. Chuprova. M., 1899. 408 p. **12.** Sheynin O. B. A. A. Chuprov. Zhizn, tvorchestvo, perepiska. M.: Yanus-K, 2010. 301 p. **13.** Davis A. K. Thorstein Veblen Reconsidered. *Science & Society*. 1957. – Vol. 21, No. 1. P. 52–85. **14.** Dorfman J. The Role of the German Historical School in American Economic Thought. *The American Economic Review*. 1955. Vol. 45, No. 2. P. 17–28. **15.** Dorfman J. Obituary: Wesley C. Mitchell (1874–1948). *The Economic Journal*. 1949. Vol. 59, No. 235. P. 448–460. **16.** Dugger W. M. The Origins Of Thorstein Veblen's Thought. *Social Science Quarterly*. 1979. Vol. 60, No. 3. P. 424–431. **17.** Hansen A. H. Wesley Mitchell, Social Scientist and Social Counselor. *The Review of Economics and Statistics*. 1949. Vol. 31, No. 4. P. 245–255. **18.** Kuznets S. Static and Dynamic Economics. *The American Economic Review*. 1930. Vol. 20, No. 3. P. 426–441. **19.** Lewin S. B. Economics and Psychology: Lessons for Our Own Day From the Early Twentieth Century. *Journal of Economic Literature*. 1996. Vol. 34, No. 3. P. 1293–1323. **20.** Mill J. S., Laughlin J. L. Principles of political economy. New York: D. Appleton and Co., 1884. 658 p. **21.** Mills F. C. Statistical Methods: applied to economics and business. New York: Henry Holt and Co., 1924. 746 p. **22.** Mills F. C. Wesley Clair Mitchell, 1874–1948. *The American Economic Review*. 1949. Vol. 39, No. 3. P. 730–742. **23.** Mitchell C. W. Index numbers of wholesale prices in the United States and foreign countries // Bulletin of the United States Bureau of Labor Statistics. Washington: Government Printing Office, 1915. **24.** Mitchell W. C. Business cycles. California:

University of California press, 1913. 610 p. **25.** Mitchell W. C. Business cycles, the problem and its setting. New York: National Bureau of Economic Research, 1927. 489 p. **26.** Mitchell W. C. Gold, prices, and wages under the greenback standard. Berkeley: The University Press, 1908. 627 p. **27.** Mitchell W. C. History of prices during the war. Washington: U.S. Govt. Print. Off., 1919. 96 p. **28.** Mitchell W. C. The making and using of index numbers. Washington: U.S. Govt. Print. Off., 1938. 114 p. **29.** Mitchell W. C. Obituary. Thorstein Veblen: 1857–1929. *The Economic Journal*. 1929. Vol. 39, No. 156. P. 646–650. **30.** Mitchell W. C. Quantitative Analysis in Economic Theory. *The American Economic Review*. 1925. Vol. 15, No. 1. P. 1–12. **31.** Mitchell W. C. The Rationality of Economic Activity. *Journal of Political Economy*. 1910. Vol. 18, No. 2. P. 97–113. **32.** Mitchell W. C. The Rationality of Economic Activity: II. *Journal of Political Economy*. 1910. Vol. 18, No. 3. P. 197–216. **33.** Mitchell W. C. Types of economic theory. New York: Augustus M. Kelley, 1969. 875 p. **34.** Mulaik S. A. Exploratory Statistics and Empiricism. *Philosophy of Science*. 1985. Vol. 52, No. 3. P. 410–430. **35.** Prescott R. B. Law of Growth in Forecasting Demand. *Journal of the American Statistical Association*. 1922. Vol. 18, No. 140. P. 471–479. **36.** Seneta E. Statistical Regularity and Free Will: L. A. J. Quetelet and P. A. Nekrasov. *International Statistical Review*. 2003. Vol. 71, No. 2. P. 319–334. **37.** Veblen T. The Limitations of Marginal Utility. *Journal of Political Economy*. 1909. Vol. 17, No. 9. P. 620–636. **38.** Young A. A. An Analysis of Bank Statistics for the United States. *The Review of Economics and Statistics*. 1925. Vol. 7, No. 1. P. 19–37. **39.** Young A. A. The Measurement of Changes of the General Price Level. *The Quarterly Journal of Economics*. 1921. Vol. 35, No. 4. P. 557–573. **40.** Zizek F. Mills, Frederick Cecil. *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1926. Vol. 24. S. 22–24.

Информация об авторе

Михайличенко Дмитрий Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политической экономики Харьковского национального экономического университета им. С. Кузнеця (просп. Науки, 9а, г. Харьков, 61166, Украина; e-mail: dmytro.mykhailychenko@gmail.com).

Інформація про автора

Михайличенко Дмитро Юрійович – кандидат історичних наук, доцент, доцент кафедри політичної економії Харківського національного економічного університету ім. С. Кузнеця (просп. Науки, 9а, м. Харків, 61166, Україна; e-mail: dmytro.mykhailychenko@gmail.com).

Information about the author

D. Myhailychenko – Ph.D. (Historical Sciences), Associate Professor, Associate Professor of Department of Political Economy of Simon Kuznets Kharkiv National University of Economics (9a Nauky Ave., Kharkiv, 61116, Ukraine; dmytro.mykhailychenko@gmail.com).

*Статья поступила в ред.
11.12.2017 г.*